

67. *Bardach, J.* Historia ustroju i prawa polskiego / J. Bardach, B. Lesnodorski. – Warszawa: PWN, 1994. – 655 s.
68. *Fajnhaus, D.* Litwa i Białoruś / D. Fajnhaus. – Warszawa: Neriton, 1999. – 357 s.
69. *Rodkiewicz, W.* Russian Nationality Policy in the Western Provinces of the Empire (1863–1905) / W. Rodkiewicz. – Lublin: Scientific Society of Lublin, 1998. – 295 p.
70. *Staliunas, D.* Making Russians. Meaning and Practice of Russification in Lithuania and Belarus after 1863 / D. Staliunas. – Amsterdam–New York: Editions Rodopi B. V., 2007. – 465 p.
71. *Пайнс, Р.* Россия при старом режиме / Р. Пайнс; пер. с англ. В. Козловского. – Кембридж, 1980. – 435 с.
72. *Pearson, T. S.* Russian Officialdom in Crisis. Autocracy and Local Self-Government, 1861–1900 / T. S. Pearson. – Cambridge University Press, Cambridge, 1989. – Pp. 284.
73. *Weeks, T. R.* Nation and the State in late imperial Russia: Nationalism and russification on the Western frontier, 1863–1914 / T. R. Weeks. – Northern Illinois University Press, Dekalb, 2008. – 310 p.
74. *Weissman, N. B.* Reform in Tsarist Russia: The State Bureaucracy and Local Government, 1900–1914 / N. B. Weissman. – New Brunswick, Rutgers University Press, N.J., 1981. – 292 p.

(Дата падачы: 14.02.2020 г.)

A. M. Лукашевич

Белорусский государственный университет, Минск

A. M. Lukashevich

Belarusian State University, Minsk

УДК 94(476)“1930”

ГЕОРГИЙ ЖУКОВ И ЕГО РОЛЬ В ПОВЫШЕНИИ БОЕСПОСОБНОСТИ ЧАСТЕЙ КРАСНОЙ АРМИИ, ДИСЛОЦИРОВАННЫХ НА ТЕРРИТОРИИ БССР В 1930-Е ГГ.

GEORGE ZHUKOV AND ITS ROLE IN INCREASING THE ABILITY OF THE PARTS OF THE RED ARMY, DISLOCATED IN THE TERRITORY OF THE BSSR IN THE 1930S.

В статье анализируется военная деятельность Г. К. Жукова во время службы в Белорусском военном округе в 1930-е годы. Раскрывается роль Г. К. Жукова как коменданта Минска в организации противовоздушной обороны города, которая оказалась в запущенном состоянии. Отмечается, что предпринятые военачальником меры способствовали проведению в октябре 1937 г. масштабных учений ПВО Минска с привлечением всех служб города. Делается вывод, что на боеспособность частей негативно влияла тяжелая атмосфера подозрительности и недоверия, которая сложилась в армейской среде в условиях начавшегося «большого террора».

Ключевые слова: Г. К. Жуков; боеспособность армии; БССР; Белорусский военный округ; противовоздушная оборона; политические репрессии.

The article analyzes the military activity of G. K. Zhukov during his service in the Belarusian military district in the 1930s. The role of G. K. Zhukov (commandant of Minsk) in the organization of the air defense of the city, which was in poor condition. It is noted that the measures taken by the military leader contributed to the conduct of large-scale air defense exercises in Minsk in October 1937 with the involvement of all city services. It is concluded that the combat atmosphere of the units was negatively affected by the severe atmosphere of suspicion and mistrust that prevailed in the army in the context of the outbreak of «great terror».

Keywords: G. K. Zhukov; combat readiness of the army; BSSR; Belarusian military district; air defense; political repression.

В декабре 2019 г. исполнилось 123 года со дня рождения Маршала Советского Союза Георгия Константиновича Жукова (1896–1974) – величайшего полководца советской эпохи. Так распорядилась судьба, что большая часть довоенной карьеры военачальника прошла в Беларуси.

Георгий Константинович Жуков родился в деревне Стрелковка Калужской губернии в крестьянской семье. Окончил двухлетнее городское училище. В 1915 г. был мобилизован в императорскую армию и участвовал в Первой мировой войне; дослужился до унтер-офицера. После установления советской власти в 1918 г. вступил в Красную армию, участвовал в Гражданской войне. В 1919 г. Г. К. Жуков вступил в РКП(б). За участие в подавлении Тамбовского восстания 1920–1921 гг. удостоился ордена Красного Знамени (1922). В 1929 г. окончил Курсы усовершенствования высшего начсостава РККА и в 1923–1931 гг. командовал в Белорусском военном округе (далее – БВО) 39-м полком и бригадой в 7-й Самарской кавалерийской дивизии.

В марте 1933 г. по протекции С. М. Буденного Г. К. Жуков был назначен командиром и военкомом 4-й кавалерийской (с 1936 г. – Донской казачьей) Краснознаменной ордена Ленина дивизии имени Климента Ворошилова. Переведенная в 1932 г. из Ленинградского военного округа в пограничный Слуцк, эта дивизия оказалась в неподготовленной для дислокации местности. Командовавший ей Г. П. Клеткин не смог наладить быт, в результате чего упала боеготовность соединения, поэтому командующий БВО И. П. Уборевич попросил К. Е. Ворошилова заменить командира. Нарком по военным и морским делам посоветовался с инспектором кавалерии РККА С. М. Буденным, и тот предложил на эту должность своего помощника по инспекции Г. К. Жукова. За короткий срок новый командир смог подтянуть дивизию. Она снова стала лучшей, а Г. К. Жуков в 1935 г. удостоился даже ордена Ленина [1, с. 86–87].

Талант Г. К. Жукова как военачальника раскрылся уже в 1936 г. на маневрах войск БВО. Во главе 4-й Донской казачьей дивизии он не только смог нанести поражение кавалерийской дивизии условного противника, но и с успехом противостоял его механизированным частям. В ноябре 1936 г. при разборе учений действия Г. К. Жукова были признаны мастерскими [2; 1, с. 94]. А уже в 1937 г. его стали обвинять в плохом руководстве...

Массовые репрессии в Красной армии начались после проведения в июне 1937 г. показательного процесса над участниками так называемого

«военно-фашистского заговора в РККА» во главе с Маршалом Советского Союза М. Н. Тухачевским. Вместе с ним к высшей мере наказания – расстрелу – были приговорены еще семь видных советских военачальников. Среди них был и командующий войсками БВО командарм 1-го ранга И. П. Уборевич [3, с. 13–14, 15–17].

После расстрела командующего в округе начались аресты высшего командного состава. Только летом 1937 г. в застенках НКВД оказались начальник штаба округа Б. И. Бобров, армейский инспектор округа Е. И. Ковтюх, командиры корпусов Л. Я. Вайнер, Д. Ф. Сердич, Е. С. Казанский и др. [3, с. 63–64, 82–83, 189, 220–221, 279–280].

Освободившиеся в ходе арестов вакансии требовали безотлагательного замещения. И комбриг Г. К. Жуков получил повышение. Однако этому предшествовала неприятная встреча с членом Военного совета округа корпусным комиссаром Ф. И. Голиковым [4, с. 36]. По воспоминаниям Георгия Константиновича, беседа проходила на повышенных тонах. Ему пришлось давать объяснения о связях с «врагами народа», и он якобы высказался в защиту арестованных. Кроме того Г. К. Жуков попытался развеять обвинения комиссара 3-го кавалерийского корпуса Н. А. Юнга [3, с. 384]. В доносе этого политработника утверждалось, что командир дивизии бывает до грубости резок в обращении с подчиненными, и что он недооценивает роль и значение политработников.

По словам Г. К. Жукова, он объяснил Ф. И. Голикову, что Н. А. Юнг не прав. «Я бываю резок не со всеми, а только с теми, – говорится в записках полководца, – кто халатно выполняет порученное ему дело и безответственно несет свой долг службы. Что касается роли и значения политработников, то я не ценю тех, кто формально выполняет свой партийный долг, не работает над собой и не помогает командирам в решении учебно-воспитательных задач, тех, кто критикует требовательных командиров, занимается демагогией там, где надо проявить большевистскую твердость и настойчивость» [5, с. 147–148].

Впрочем, в мемуарах Г. К. Жукова присутствуют кое-какие нестыковки. Согласно официальным документам Ф. И. Голиков только в январе 1938 г. стал членом Военного совета БВО. Вряд ли знал Георгий Константинович и о масштабах арестов в первой половине 1937 г., так как с сентября 1936 г. по май 1937 г. находился на излечении в госпитале в Москве [1, с. 95]. Поэтому фамилии репрессированных сослуживцев стали известны позднее, но в мемуарах полководец перечислил большинство из них. При этом он, вероятно, «приукрасил» и свою решительность в разговоре с членом Военного совета. Но тот факт, что подобный разговор состоялся и носил резкий характер, подтверждался и Ф. И. Голиковым.

В целом Ф. И. Голиков в то время ревностно исполнял все приказы одиозного начальника Политуправления РККА Л. З. Мехлиса. Этот далекий от армии партийный функционер был призван к руководству Политуправле-

нием с одной целью – придать репрессиям военных кадров новое дыхание. Поэтому по инициативе Л. З. Мехлиса в авангарде кампании по разоблачению «врагов народа» были поставлены политработники.

Как оказалось, донос Н. А. Юнга на Г. К. Жукова был не единственным. Компрометирующие «донесения» на будущего маршала исходили от нескольких лиц, в том числе от А. И. Жильцова, который с 1932 г. являлся заместителем начальника политуправления округа, а затем – помощником командующего войсками БВО [3, с. 161–162].

9 июня 1937 г., спасая себя от обвинений в связях с И. П. Уборевичем, он написал донос на имя наркомов обороны и внутренних дел. В нем сообщалось, что в 1932 г. на маневрах войск БВО командующий лично знал многих германских наблюдателей. При этом к И. П. Уборевичу наиболее близки были некоторые командиры корпусов и дивизий, в том числе и Г. К. Жуков [6, с. 104].

Каковы же были причины широкого размаха столь несвойственного в армейской среде доносительства? Главными здесь были общая атмосфера в стране и социальный заказ высшего руководства. От имени партии и народа ЦК ВКП(б), Совнарком, нарком обороны и начальник Политуправления РККА неустанно требовали: выявляй, докладывай, что значило: доноси о любых проявлениях деятельности «врагов народа».

Поэтому сослуживцы и даже вчерашние друзья массово писали друг на друга доносы: срабатывал инстинкт самосохранения. Ведь приказом наркомов обороны и внутренних дел от 21 июня 1937 г. № 082, военнослужащие в случае «чистосердечного раскаяния в своей преступной деятельности», сообщившие о «преступных деяниях» других лиц, сами освобождались от ответственности [7, с. 18].

В июле 1937 г. Г. К. Жуков все же получил назначение на должность командира 3-го кавалерийского корпуса. Через две недели он детально ознакомился с соединением. В 1936 г. этот корпус хорошо проявил себя на маневрах, а через год его положение стало удручающим. В связи с арестами в частях резко упала боевая и политическая подготовка, ослабла дисциплина. Поэтому Г. К. Жуков резко вмешался в положение дел: одних решительно одернул, других привлек к ответственности. Правда, при этом он допускал повышенную резкость, которая всегда была присуща будущему маршалу. И этим немедленно воспользовались некоторые служащие дивизии. Уже на второй день пребывания в корпусе, на командира посыпались донесения в штаб округа, письма в НКВД. Однако Г. К. Жуков продолжал свою линию.

Осенью 1937 г. помимо должности командира 3-го кавалерийского корпуса на Г. К. Жукова также были возложены обязанности коменданта Минского гарнизона.

Одной из главных задач в это время была организация противовоздушной обороны города, которая оказалась в запущенном состоянии. Дело

в том, что ПВО Минска одновременно находилось в двойном подчинении: председателя Минского горсовета и военных. Однако частые смены руководства города в условиях репрессий [8, с. 268–293], а также финансирование по остаточному принципу, привели к упадку системы ПВО. В итоге, частыми были случаи, когда не было ни транспорта, ни горючего, необходимого для приведения немногочисленных средств ПВО в боевое состояние.

Новый командир гарнизона взялся за дело решительно. И уже в октябре 1937 г. были проведены масштабные учения ПВО Минска с привлечением всех служб города. Их подготовка осуществлялась в соответствии с директивой Военного совета БВО № 14230 от 26 августа 1937 г. В разработке плана учений, помимо коменданта г. Минска, участвовал и начальник ПВО БВО майор А. В. Калечиц.

2 октября 1937 г. Г. К. Жуков сообщил секретарю ЦК КП(б) А. А. Волкову о готовности проведения 3–5 октября в Минске «контрольно-поверочного учения пункта ПВО Минск» и представил «План учения» и «Схему очагов поражения». В качестве наблюдателя на учениях присутствовал представитель Управления ПВО РККА полковник И. Я. Поплавский [9, л. 37].

В тот же день, 2 октября, в 18.00 в штабе ПВО БВО состоялось совещание руководства и посредников.

Первый этап учений начался 3 октября 1937 г. в 8:00, когда Минск был переведен «на угрожаемое положение». С 8 до 12 часов осуществлялась проверка развертывания участников на объектах и службах. В 14:00 состоялась имитация налета авиации. Одновременно, с 14 до 16 часов, осуществлялась проверка организации разведки в районах поражений и работы команд по ликвидации последствий нападения [9, л. 41].

Согласно «Плану имитации поражений на учениях противовоздушной обороны пункта ПВО Минск 2–5 октября 1937 г.» [9, л. 38–40] в 14:00 начиналась основная стадия 1-го этапа. Она предусматривала отработку четырех очагов налетов.

1-й очаг был запланирован на заводе имени Кирова (разрушение цеха и пожар; заражение станков и рабочих мест; разрушение водопровода; ранено 5, заражено 10 человек, заражено 20 тыс. м²); 2-й очаг – на заводе «Большевик» (разрушение и заражение силовых установок; заражено 20 тыс. м²; 2 пожара, ранено 10 и заражено 25 человек); 3-й очаг – на фабрике «Октябрь» (пожар в цеху от зажигательной бомбы; разрушен командный пункт и уничтожена связь с участком и штабом ПВО; заражено 10 тыс. м²; ранено 20, отравлено и заражено 40 человек). 4-й очаг поражения был самым крупным. Он включал часть Минска в границах: станция Виленская (исключая северную сторону), ул. Комаровская (с востока), ул. Широкая (с юга), река Свислочь (разрушение фугасными бомбами трех мостов и трамвайного пути, пожар штаба участка, уничтожение связи со штабом ПВО, объектами и командами). Кроме того планировалась отработка пожаров на северном

угле ул. Мопра и ул. Коммунальной, на площади Коммуны, а также разрушение на Набережной. Штаб участка планировался в центре очага заражения; площадь заражения определялась в 540 тыс. м² [9, л. 38–39].

Второй этап учений начинался 3 октября в 20 часов с выхода посредников на очаги поражения. В 22.00 планировалась имитация ночного налета авиации. С 22 до 24 часов осуществлялась проверка работы команд ПВО и объектов в условиях ночного налета и проверка светомаскировки [9, л. 41].

На этом этапе также предусматривалась отработка четырех очагов налета. 1-й очаг – на заводе имени Мясникова (разрушение цеха, водоснабжения; 2 пожара; заражено 5 тыс. м²; заражение в цехах рабочих мест; ранено 20 и отравлено 5 человек); 2-й очаг – на Узле связи (пожар на дворе АТС; взрыв 10 бомб с отравляющими веществами на ул. Урицкого и К. Маркса в районе телеграфа; отравлены аппаратные комнаты и комнаты ожидающих; пострадало 10 человек; взрывом 100-кг химической бомбы заражены выходы из телеграфа и АТС); 4-й очаг – на заводе имени Ворошилова (2 пожара в цехах, заражение рабочих мест и станков, а также территории в 8 тыс. м²; ранено 15 и отравлено 20 человек). 3-й (наибольший) очаг поражения включал район Минска в границах: ул. Дзержинского – железнодорожные пути, ул. Могилевская и ул. Кооперации (пожар товарной станции и пакауза; разрушение железнодорожного полотна и трамвайной ветки; пожар на ул. Могилевской; заражение 320 тыс. м²; ранено 10 и отравлено 55 человек) [9, л. 39].

Заключительный, третий, этап учений начинался 4 октября в 9.00 с прибытия посредников на объекты и в очаги поражения. В 10 часов утра осуществлялась подготовка средств имитации и расстановка статистов по объектам. В 11.00 состоялась имитация дневного налета авиации. С 11 до 13 часов осуществлялось наблюдение за работой команд и проверка организации управления средствами ПВО в сложном очаге поражения [9, л. 41–42].

На этом этапе также предусматривалась отработка четырех очагов налета. 1-й очаг – в границах: ул. Ленинской (с площадью Свободы), ул. Энгельса (до ул. Советской), ул. Советская (от ул. Энгельса до ул. Ленинской); ул. Коммунистическая в границах улиц Ленинской и Энгельса (заражено 100 тыс. м²; пожары на углу Октябрьской и Энгельса, на углу Энгельса и Советской; разрушение трамвайной линии на перекрестке улиц Октябрьской и Энгельса; разрушение электросети и водопровода; ранено 10 и отравлено 10 человек); 2-й очаг – в границах: ул. Ленинградская (до ул. Базарной), Привокзальная площадь (до ул. Ульяновской), Железнодорожный вокзал и пути (площадь заражения – 75 тыс. м²; разрушение трамвайных путей, водопровода, электросети и связи; ранено 10, отравлено 35 человек). 3-й очаг отрабатывался на заводе имени Ворошилова (разрушение цеха и водоснабжения; пожар конторы; заражение 10 тыс. м²; ранено 20 и отравлено 10 че-

ловек); 4-й очаг – на хлебозаводе (пожар, разрушение и заражение склада готовой продукции; заражение территории в 5 тыс. м²) [9, л. 39–40]. В 13.00 был объявлен отбой, а в 8 часов вечера состоялся разбор учений [9, л. 42].

Данные учения ПВО Минска оказались едва ли не последними перед трагическими событиями июня 1941 г.

В начале 1938 г. БВО «накрыла» вторая волна репрессий. Ее жертвами стали командующий войсками округа И. П. Белов, начальник штаба А. М. Перемытов, начальник политуправления Г. Е. Писманик и др. [3, с. 14–15, 262–263, 359–360].

В этот период были репрессированы и двое из участников учений ПВО Минска – майор А. В. Калечиц и полковник И. Я. Поплавский. В числе жертв мог оказаться и Г. К. Жуков. Однако в феврале 1938 г., когда открылась вакансия командира 6-го кавалерийского корпуса, на нее назначили именно Г. К. Жукова. По своей подготовке этот корпус был лучше 3-го. Но главное – в его состав входила 4-я Донская казачья дивизия, к которой Георгий Константинович питал особую привязанность.

На новой должности Г. К. Жуков больше внимания уделял оперативной работе, отработывал вопросы боевого применения кавалерии в составе конно-механизированной группы или армии. Подобная армия состояла из 3–4 кавалерийских дивизий, 2–3 танковых бригад и моторизованной стрелковой дивизии. Во взаимодействии с бомбардировочной и истребительной авиацией, а также с авиадесантными частями она должна была решать крупные оперативные задачи в составе фронта, способствуя успешному осуществлению стратегических замыслов [5, с. 151–152].

Однако усилия Г. К. Жукова нередко оказывались напрасными. Новые командиры действовали крайне осторожно, поскольку они не были самостоятельными в принятии решений. Их инициативу сковывали политработники, исполнявшие в армии функции «всевидающего ока».

Особая антипатия к БВО была у начальника Политуправления РККА Л. З. Мехлиса, который считал его «засоренным» членами «белорусско-толмачевской банды» – представителями внутриармейской оппозиции 1928 г. Л. З. Мехлису хотелось «вывести на чистую воду» так называемых «заговорщиков», в числе каковых он считал и Г. К. Жукова – креатуру И. П. Уборевича.

Не удивительно, что многие военные комиссары на местах стремились угодить столичному начальству. Поэтому нередко политдонесения превращались в настоящие доносы. Чтобы снять с себя ответственность за провалы в работе, они спешили доложить о «засоренности» кадров. В итоге в стране развернулась небывалая клеветническая кампания. «Клеветали зачастую на кристально честных людей, – вспоминал Г. К. Жуков, – а иногда на своих близких друзей. И все это делалось из-за страха не быть заподозренным в нелояльности. И эта жуткая обстановка продолжала накаляться» [5, с. 145].

В своих мемуарах маршал в деталях описал партсобрание, которое едва не стало для него роковым...

Как-то вечером в кабинет Г. К. Жукова зашел комиссар корпуса А. Я. Фоминых (в мемуарах Г. К. Жукова ошибочно назван «Фомин». — А. Л.). Он долго ходил вокруг да около, а потом сказал, что «завтра собирается актив коммунистов 4-й дивизии, 3-го и 6-го корпусов» и будут Жукова разбирать в партийном порядке. Командир корпуса поинтересовался, что же он наговорил, что «такой большой актив» будет его разбирать? И как это они собираются разбирать, не предъявив заранее обвинений, чтобы можно было подготовить объяснение? А. Я. Фоминых уточнил: «разбор будет производиться по материалам 4-й кавдивизии и 3-го корпуса» [5, с. 153].

На другой день действительно собрались человек 80 и Г. К. Жукова пригласили на собрание. Все началось с чтения заявлений некоторых командиров и политработников. В них указывалось, что Г. К. Жуков многих незаслуженно наказал, грубо ругал и не выдвигал на высшие должности, чем умышленно «замораживал» опытные кадры и сознательно наносил вред вооруженным силам.

Затем начались прения. Сначала выступили те, кто подал заявления. На вопрос командира корпуса, почему так поздно они выразили свое недовольство, последовал ответ: «Мы боялись Жукова, а теперь время другое, теперь нам открыли глаза арестами»...

Еще более провокационным был вопрос «об отношении к Уборевичу, Сердичу, Вайнеру и другим “врагам народа”». Почему, дескать, Уборевич при проверке дивизии обедал лично у Жукова, почему к нему «всегда так хорошо относились враги народа»? [5, с. 154]

После этого выступил начальник политотдела 4-й кавалерийской дивизии С. П. Тихомиров, который прослужил с Г. К. Жуковым несколько лет и жил с ним в одном доме. Как политработник он не совсем устраивал Георгия Константиновича, но по-человечески был тактичен и относился к командиру с уважением. Однако на собрании он неожиданно обвинил Г. К. Жукова в неоправданной жесткости по отношению к подчиненным... Мол, он сковывает инициативу подчиненных... [5, с. 154].

И тогда слово попросил сам Г. К. Жуков. Он заявил, что не услышал объективной оценки своей деятельности, и поэтому сам скажет, в чем был прав, а в чем не прав. По вопросу о грубости командир корпуса заявил прямо: «у меня были срывы и я был не прав в том, что резко разговаривал с теми командирами и политработниками, которые здесь жаловались и обижались на меня. <...> Как коммунист, я прежде всего обязан был быть выдержаннее в обращении с подчиненными, больше помогать добрым словом и меньше проявлять нервозность. Добрый совет, хорошее слово сильнее всякой брани» [5, с. 154–155].

Относительно обвинений в том, что у него обедал И. П. Уборевич – враг народа, а Д. Ф. Сердич и Л. Я. Вайнер к нему благоволили, Г. К. Жуков от-

ветил: «у меня обедал командующий войсками округа Уборевич. Кто из нас знал, что он враг народа? Никто. <...> Вы правы, критикуя мое плохое отношение к некоторым командирам, но не правы критиковать меня за хорошее отношение ко мне Сердича и Вайнера» [5, с. 155].

Еще более решительно будущий маршал высказался относительно обвинений С. П. Тихомирова в недооценке партработников: «...да, действительно, я не люблю и не ценю таких политработников, как, например, Тихомиров, <...> Такие политработники хотят быть добрыми дядюшками за счет дела, но это не стиль работы большевика. Я уважаю таких политработников, которые помогают своим командирам успешно решать задачи боевой подготовки, умеют сами работать засучив рукава, неустанно проводя в жизнь указания партии и правительства, и, не стесняясь, говорят своему командиру, где он не прав, где допустил ошибку...» [5, с. 155].

Организаторы собрания рассчитывали исключить Г. К. Жукова из партии, но задуманный сценарий провалился. После критических выступлений партсобрание, по словам Георгия Константиновича, приняло решение: «Ограничиться обсуждением вопроса и принять к сведению объяснение товарища Жукова». «Хорошо, что парторганизация тогда не пошла по ложному пути и сумела разобраться в существе вопроса, – прокомментировал в мемуарах полководец итоги собрания. – Ну а если бы парторганизация послушала Тихомирова и иже с ним, что тогда могло получиться? Ясно, моя судьба была бы решена в застенках НКВД, как и многих других наших честных людей» [5, с. 156].

Однако насколько правдива эта история, изложенная Г. К. Жуковым? В действительности, Георгий Константинович несколько «сгладил» решение партсобрания, которое состоялось 28 января 1938 г. При этом партийная организация отнюдь не «ограничилась обсуждением вопроса», а вынесла командиру корпуса полновесный выговор [1, с. 104]. Были ли политические обвинения? Возможно. Но вряд ли серьезные. Иначе Г. К. Жукова не выдвинули бы командиром самого мощного в округе 6-го корпуса.

Впрочем, остается загадкой, кто был инициатором этого партийного собрания. Не исключено, что указание исходило из Москвы, от Л. З. Мехлиса. В любом случае об его итогах А. Я. Фоминих – впоследствии члена Военного совета Западного фронта в июне 1941 г. – сообщил начальнику Политуправления РККА.

В 1938 г. маховик сталинского террора не ослабевал. После арестов И. П. Уборевича и И. П. Белова подготовка высшего командного состава в округе резко снизилась. Командиры дивизий и корпусов почти не вызывались в Смоленск на учебные мероприятия. На этом фоне боеготовность 6-го кавалерийского корпуса отличалась в лучшую сторону. Поэтому в июле 1938 г. Г. К. Жуков получил новое повышение: стал заместителем командующего войсками БВО по кавалерии, а через год, в июне 1939 г., возглавил советские войска в Монголии.

После победы на Халхин-Голе (20–31 августа 1939 г.) авторитет Г. К. Жукова взлетел на небывалую высоту. Но в 1937–1938 гг. он ходил по лезвию ножа. Только сильная воля, твердый характер и, конечно, доля везения, позволили ему спасти свою жизнь. Не только свою, но и жизнь некоторых сослуживцев. Да, порой Г. К. Жуков был резок, жесток и несправедлив. Ну а мог ли в тех условиях выжить иной по характеру командир? Приукрасил ли он себя в мемуарах, написанных через четверть века? Несомненно! А кто бы поступил иначе?

Таким образом, в 1930-е годы Г. К. Жуков сыграл большую роль в повышении боеспособности частей Красной армии, а в качестве коменданта Минска – и в организации противовоздушной обороны города. Предпринятые военачальником меры способствовали проведению в октябре 1937 г. масштабных учений ПВО Минска с привлечением всех служб города. Однако на боеспособность войск негативно влияла тяжелая атмосфера подозрительности и недоверия, которая сложилась в армейской среде в условиях «большого террора».

Список использованных источников

1. *Соколов, Б. В.* Неизвестный Жуков: портрет без ретуши в зеркале эпохи / Б. В. Соколов. – Минск: Родиола-плюс, 2000. – 608 с. – («Мир в войнах»).
2. Белорусский государственный архив кинофотофонодокументов (Дзержинск). – № 0767. О маневрах войск БВО, военном параде в г. Минске. Документальный фильм.
3. *Черушев, Н. С.* Расстрелянная элита РККА (командармы 1-го и 2-го рангов, комкоры, комдивы и им равные): 1937–1941. Биографический словарь / Н. С. Черушев, Ю. Н. Черушев. – М.: Кучково поле; Мегapolis, 2012. – 496 с., ил.
4. *Гаврилов, Д. В.* «Проявил себя как крупный военачальник...». К 110-летию со дня рождения Маршала Советского Союза Ф. И. Голикова / Д. В. Гаврилов // Военно-исторический журнал. – 2010. – № 10. – С. 34–39.
5. *Жуков, Г. К.* Воспоминания и размышления: в 2 т. / Г. К. Жуков. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – Т. 1. – 415 с., ил.
6. *Сувениров, О. Ф.* Трагедия РККА 1937–1938 / О. Ф. Сувениров. – М.: ТЕРРА, 1998. – 528 с.
7. Русский архив: Великая Отечественная. Т. 13 (2–1). Приказы народного комиссара обороны СССР. 1937 – 21 июня 1941 г. – М.: ТЕРРА, 1994. – 368 с.
8. *Лукашевич, А. М.* «Градоправители» Минска: история власти (февраль 1917 – декабрь 2013 г.) / А. М. Лукашевич. – Минск: Торгово-финансовый союз «БТФС», 2014. – 527 с.: ил.
9. Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 4п. – Оп. 1. – Д. 11993. Замечания Военного совета БВО на проект [директивных] указаний по мобилизационно-оборонной работе партийных органов, и др. – 13 февраля – 10 ноября 1937 г. – 92 л.

(Дата подачи: 18.02.2020 г.)